

Антонида Смолина окончила Вологодский государственный педагогический университет, филологический факультет. Работает главным редактором ООО «Устюжаночка». Публиковалась в журналах: «Бельские просторы», г. Уфа; «Подъём», г. Воронеж; «Двина», г. Архангельск; «Симбирск», г. Ульяновск; «Веретено», г. Калининград; «Родная Кубань», г. Краснодар и др.. Живёт в Великом Устюге.

Антонида Смолина
г. Великий Устюг

Танькины слёзы

Танька была нагулянной. Об этом ей регулярно общала бабушка. Так и говорила: «Чего от тебя ждать-то, от нагулянной?».

После чего непременно уходила в размышления о Танькиных родителях: «Нет бы на кого стОящего запала (это про Катерину, мать Танькину), а то сама пустоголовая, он (отец то бишь) – ни кожи, ни рожи, вот и выродили де-тушку». Танька к бабушкиным речам привыкла, хотя иногда ей хотелось узнать что-нибудь ещё про своих родителей.

Анна Егоровна (так звали Танькину бабушку) всю жизнь проработала телятницей в совхозе, за что имела удостоверение «Ветеран труда», поздравительную открытку к Дню работника сельского хозяйства и мучительный артрит, скрючивший почти все суставы её некогда могучего организма. Однако характер у этой старушки был тот ещё: с надуманного её не своротить, а вот за обиду можно было понаслушаться.

Катерина была её единственной дочерью. Отца она никогда не знала, ибо молодой муж Анны Егоровны убит был упавшей сосной на делянке через три месяца после свадьбы. Мать, понятное дело, работала от зари до зари – всё-таки одна девку воспитывала. Выросла Катерина как-то незаметно, после школы уехала в Северодвинск учиться на закройщицу, а уже к лету вернулась тяжелая. Поругалась Анна Егоровна, погремела крынками, да делать нечего.

Мать из Катерины получилась хорошая, только не суждено ей было воспитать Таньку до полного возраста, оставила сиротой, едва той исполнилось четыре годика. Скрутило Катерину быстро: Рождество встретила на больничной койке, а в Крещенский сочельник ей уже готовили другую постель – топорами да ломами ворошили промёрзшую глину.

Так и остались Анна Егоровна с Танькой вдвоём. Матери Танька почти не помнила. Только смотрела порой на её фотографии и думала, что лицо у этой женщины такое знакомое-знакомое. Хотя не оттого ли, что фотографии были изучены ею вплоть до самой маленькой чёрточки?

Танька росла тихой девочкой, со своими какими-то укромными делами и заботами, которые, правда, не всегда одобрялись её бабушкой. Анна Егоровна считала, что растить Таньку надо в строгости, и за провинности наказывала. Ремня в руки не брала, зато на язык остра была, до слёз Таньку в два счёта доводила.

Особенно Егоровне удавались всякие обзывательства. Так, за любовь к кошкам она стала Таньку кошкодёркой дразнить. И вроде страшного ничего в этом не было, а всё-таки при бабушке Танька на кошек уже не смотрела.

Исключением была только Муська – шустрая чёрно-белая кошечка, которую Егоровна держала, чтобы мышам спуску не давать. С Танькой они были не разлей вода: Муська, как хвост, всюду следовала за юной хозяйкой.

По весне кошка заметно округлилась. «Опять не меньше шести выродит!» - возмущалась, глядя на неё, Егоровна и пыталась высчитать срок, когда ждать пополнения. С котятами старушка расправлялась быстро: выносила новорожденных под тополь, увешанный вороньими гнездами, и оставляла на волю крылатых хищников.

Однако в этот раз всё пошло не по плану. В июне живот у Муськи пропал. И сама она почти перестала бывать дома. Ясное дело, родила где-то. Вот только потомство кошка умело прятала. Сколько не пыталась Егоровна её выследить, все впустую: поводит её Муська кругами возле дома, да и сбежит незаметно.

Как-то раз, когда бабушка ушла к соседке посидеть, Танька увидела Муську на тропинке у бани. С кошкой явно было не всё в порядке. По дорожке она не бежала, как обычно, держа хвост трубой, а медленно ползла, перебирая передними лапами. Танька рванула к своей любимице. Муська, Мусечка её, буквально была разодрана. Видно, встретилась ей на узкой дорожке чья-то собака. Как она вообще смогла от неё вырваться!

Танька боялась прикоснуться к истерзанному кошачьему тельцу.

- Милая моя! Хорошая моя! Ты поправишься! Ты обязательно поправишься! - причитала она, и на окровавленную шерсть крошились Танькины слёзы.

- Муся, Мусечка! Кис-кис-кис! – Танька попыталась подзвать кошку к бочке с водой, чтобы там, в тенечке, смочить её раны. Муська же из последних сил карабкалась в сторону бани.

- Котята! – вдруг озарило Таньку. – Там её котята!

- Покажи мне, где они, Мусечка! Я помогу тебе. Я обещаю тебе, я никогда вас не брошу. Только не умирай, прошу тебя, не надо умирать...

Кошка не смогла исполнить Танькину просьбу. Все её тело вдруг выгнуло в дугу, дрожь пробежала по нему от ушей до кончика хвоста, и Муська замерла без движения.

С трудом Танька обнаружила небольшой лаз под свод бани. Исцарапавшись о поленницу, ломая ногти и обжигая колени крапивой, она всё же пробралась в муськино укрытие. Там, в туго свитом гнезде из старого сена и опилок, смешно уложившись горочкой, спали пятеро малышей. Танька ткнулась носом в эту пушистую горку, вдохнула запах молока и нагретого сена и горько, вздохнув заревела. Разбуженные котята в недоумении цеплялись коготками за её волосы, лезли мокрыми мордашками ей в лицо и все пытались ощупью обнаружить в ней мамку.

Котята были совсем маленькие. Танька стянула из бабушкиной аптечки пипетку и кормила их сметаной – так они быстрее наедались и дольше спали. Притащила им старое детское одеялко и плюшевого медведя. Котята присасывались к нему и громко чмокали. Девочка лежала рядом и шёпотом рассказывала им про Муську: ей ли не знать, насколько важно помнить свою маму.

А через пару недель тайна была с блеском раскрыта Егоровной. Котят извлекли на свет Божий, над Танькой же нависла небывалая гроза.

- Ах ты кошкодёрка! Выкормила на свою голову! Куда мне столько кошек? Скажут, совсем Егоровна с ума спятила. А я ни сном, ни духом. Говори, где научилась от бабушки таиться? – Долго Егоровна отчитывала плачущую Таньку.

А после как отрезала:

- Чтобы сегодня же их тут не было!

- Бабушка, куда же я их дену?

- Знала, как прятать, знай, и куда девать!

В отчаянье Танька понесла котят под тот самый тополь. Из-за слёз она не видела дороги, шла, будто пьяная, крепко прижимая к груди коробку с котятами. Положила свою ношу под деревом, а сама в беспомощности повалилась в траву.

Долго ли там лежала Танька, она не поняла, но разбудили её знакомые коготки и мокрые мордашки, которые

привычно путались в её волосах. Окрепшие на сметане, котята смогли сами выбраться из коробки.

Танька сгребла своих подопечных в охапку и побегала к бабушке. Почему-то ей вдруг показалось, что бабушка сможет понять и простить её. Танька неслась домой, не чувствуя дороги под ногами.

Однако гроза еще не миновала. Егоровна завелась не на шутку.

- Мне кошек не надо – и точка. Сейчас же убирай! Чтобы духу твоего не было, пока не уберёшь!

- Бабушка, их вороны не едят, они уже большие, - попыталась оправдаться Танька.

- Мне какое дело! Сама вырастила. Бери лопату, иди закапывай.

- Они же живые! – захлебнулась в рыданиях Танька.

- Велико дело – живые. Это кошки. Они, как тараканы, плодятся. Куда их девать-то? Убирай, кому говорю!

И Танька закопала котят. У дороги она вырыла небольшую ямку, постелила в неё травы. По очереди брала котят и складывала горкой – так, как увидела их впервые. Они расплзались, натыкаясь друг на дружку, переворачивались на спину и сучили лапками, пытаясь выбраться из ямы. Танька уговаривала их, целовала и складывала обратно. Потом зацепила лопатой земли и сыпнула на них сверху. Влажный песок не смог пробиться в густой подшерсток котят и скатывался с них, словно вода со смазанной сковороды. Малыши наперебой замяукали и стали ещё активней карабкаться из ямы. Танька снова сыпнула земли. Потом ещё и ещё. А после прижала ладошками бугорок, из-под которого все ещё неслись сдавленные звуки.

Домой она вернулась затемно...